

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

"NOVOYE RUSSKOYE SLOVO" 178-2nd Ave. New York

П О Л Н Ы Е
Англо-Русский и Русско-Англ.
С Л О В А Р И
АЛЕКСАНДРОВА.

В новом исправленном и дополненном издании. В обоих словарях свыше 1.650 страниц большого формата.

Помимо основного словаря, каждый том содержит также словарь наиболее употребительных собственных мужских и женских имен, географический словарь, сравнение русских мер, весов и термометра с английскими.

В доме каждого русского в Америке должны быть оба эти самые полные Англо-Русский и Русско-Английский словари, без которых трудно обойтись.

Оба словаря \$8.00. В отдельности \$4.25

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

178 Second Avenue New York City

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Из старой тетради

ЗАПИСКИ ЖУРНАЛИСТА

А. П. Чехов в Ницце. — «Кум», «Власть Тьмы», Кн. Д. Оболенский «Начальник эфентов». — У Л. Н. Толстого. — На представлении «Власти Тьмы». — Ж. Юдик.

Антон Павлович Чехов любил относиться к Ницце, как вспоминают уцелевшие там его друзья и знакомые. Жил он на улице Луно, в Русском доме. Берта Александровна Розанова, вдова основателя здесь, полвека назад, русского агентства и книжный магазин, рассказывала мне, что Антон Павлович ежедневно по утрам заходил в этот магазин и всегда с букетом цветов, который нес кому-то в русский дом.

Однажды, зайдя в агентство, Чехов заметил, что Розанова не рада его покаянию, уходя беседовать с кем-то в соседнюю комнату, отгороженную занавеской.

— Кто у вас там? Я, может быть, вам мешаю? — спросил его Чехов.

— Антон Павлович, это нужающиеся соотечественники наши... и помогаю им, чем могу... иногда собираю для них... бедные, больные...

На другой день Антон Павлович, зайдя к Розановым, передал им бедных 300 франков, собранных у приятелей в Русском доме... а может быть, и собственная, о чем по своей деликатности Чехов не хотел сказать.

Я беседовал недавно в Ницце с известным князем Д. Д. Оболенским, с которым когда-то познакомился о Севастопольских песнях. К. А. Скальковский, с которого Л. Н. Толстой и М. Г. Савина называли «кумом» «Власти Тьмы». На своем портрете, изданном князем, Толстой написал: «Старому приятелю Д. Д. Оболенскому». Их отношения закрепились в юности, когда они вместе занимались гимнастикой.

В настоящее время князь Д. Д. Оболенскому 86 лет. Он возвратился из России относительно недавно.

«Кумом» «Власти Тьмы» князь звали потому, что он первый доподтел о постановке драмы на сцене. Случилось это вот при таких обстоятельствах. В С.-Петербурге, в ресторане Дюссо князь встретил Сергея Спиридоновича Татищева, который сказал ему что Марья Гавриловна идет пьесу для бенефиса.

— Какая Марья Гавриловна? — переспросил князь.

— Савина, знаменитая актриса Александринского Театра.

— Ах, Савина... вот и отлично. Толстой написал пьесу «Власть Тьмы».

— Пожалуйста, князь, телегра-

графируйте ему в Москву и просите дать пьесу и принять Савину.

Толстой ответил князю, что он очень рад, но в свою очередь просит, чтобы ему ничего не платили за пьесу.

Савина поехала в Москву, в Хамовники, к Льву Николаевичу. Князь Оболенский встретил артистку на Николаевском вокзале и повез ее к Толстому, который принял Марью Гавриловну очень радушно и тепло.

Толстой сам пошел с Оболенским в типографию, где печатали «Власть Тьмы» и хотел взять экземпляр ее. Тут Льву Николаевичу сообщили новость, что духовная цензура наложила арест на пьесу, но автору все-таки сфотографировали экземпляр.

Лев Николаевич не раз говорил: «Оболенский ввел меня в грех, мне хочется увидеть свою пьесу на сцене».

Но Савиной так и не удалось добиться разрешения на постановку «Власти Тьмы».

Князь Д. Д. Оболенский попутно вспомнил о комическом факте. Когда впоследствии «Власть Тьмы» ставили в Александринском театре, то в Ясную Поляну к Толстому театральная дирекция командировала чиновника Бабина для переговоров о приобретении местных деревенских костюмов, внутренней обстановки избы и пр.

Я помню этого Бабина. Он был совсем тощий, высокий, элегантный и не разставившийся с моноклем. Разговаривал Бабин довольно важно, с апломбом.

Толстому доложили, что приехал Бабин, «начальник эфентов». Это звание, по словам Оболенского, Льва Николаевича озадачило, ему было невдомек, что это за фигура — «начальник эфентов»?

Бабин, беседуя со Львом Николаевичем, нежно гладил старика по плечу и говорил:

— Вы пишете для сцены, граф, а мы вас поощрим!

Когда «Власть Тьмы» ставили в Малом Театре в Москве, Д. Д. Оболенский был приглашен в ложу Толстых. Он вошел, когда в ложе еще никого не было. Кто-то на публике принял его за Льва Николаевича: встал и моментально захлопал.

Вся зала поднялась и затемена.

«Кум» «Власти Тьмы» был сконфузен и скрылся.

С.-Петербург был в неопытном водении по случаю приезда Анны Жюдик, бесновались буквально все — и стар и млад. Жюдик была одной из богинь, царивших тогда в Оффенбаховской оперетке, увлекавшей необыкновенным талантом и чудесной внешностью.

Я был гимназистом, когда Жюдик гастролировала в Петербургском театре «Буфф», помещавшемся напротив Александринского театра, на месте нынешнего сада Аничкова Дворца, а ранее — Толмазова переулка. Однажды трех гимназистов, в том числе и меня, отправили с городским в полицию за участие в охоте уезжавшей из театра Жюдик. Пристав помиловал нас и отпустил. Распекал он меня, держа за пуговицу мундира, которую едва не вырвал с мясом, крича при этом:

— Чем бы уроками заниматься или спать, а вы шумите на улице, да госпожу «Жудик» (так он произносил ее фамилию и к тому же с ударением на первом слоге), подсаживаете в карету... Я вам покажу госпожу Жудик!..

Помню, как влюбленные в Жюдик лезли к ней в карету, на

ковза кареты, откуда один из маститых почитателей полетел на мостовую. И долго потом ходил с подвязанной рукой.

И не мудрено было не беспокоиться... вспомнив хотя бы строки Некрасова:

Мадонны лик,
Взор деруныма,
Мадам Жюдик —
Непостижима...

Через много лет Жюдик, звезда которой во Франции уже меркла, приехала в Петербург в театр Рауля Гинзбурга. Имя ее оставалось еще волшебным и собирало публику. На этот раз из гимназиста я успел превратиться в журналиста, познакомился с Жюдик, бывал у нее, много раз интервьюировал ее и рассказывал ей о трех арстованных гимназистах...

Наконец, еще через несколько лет, Анна Жюдик в последний раз навестила Петербург и выступала в театре «Аквариум». Она не могла уже удивлять в оперетке, а показывалась в качестве исполнительницы шансонеток под скромным аккомпанимен рояля. Жюдик говорила мне, что дела ее пошатнулись, что она должна была бы отдыхать на закате своей исключительно счастливой карьеры, а не изображать шансонетную певицу. Мне было очень жаль видеть замечательную артистку в более чем скромной меблированной комнате близ театра, грустной, с набегавшими иногда слезами на чудесных еще глазах...

Этот финал звезды империи наводил на печальные мысли...

А. Плещеев.